

ЕНИСЕЙСКИЕ МУЖЕ-ДЕВЫ В МАНТИЯХ: КТО ОНИ?

Загадочные фигуры в длиннополых одеяниях (памятники Енисея) открыты финской экспедицией под руководством И.-Р. Аспелина в лето 1887 г. и под знаком удивления и вопроса явились иконографическим феноменом. Они до сих пор находятся в пространстве полемики. Поместив в основание интерпретации определение первооткрывателя, касающееся одной из фигур – «ассирийского священнослужителя», О. Менхен-Хелфен (Maenchen-Helfen O., 1951) в середине XX в. выдвинул предположение: они – манихеи, но, как замечает Л.Р. Кызласов (1999, с. 15), «за манихейские автор принял писаницы более ранней таштыкской культуры». Загадочное «явление», как факт вхождения некоего христианского элемента (несториане) в пределы Енисея, не находит отражения и какой-либо поддержки в новых памятниках иконографии (см. ниже), а попытка осмысления «загадочных персонажей» в рамках сугубо шаманской маскировки (Erdy M., 1996, p. 53) не выдерживает критики.

Любая версия невозможна, так как исследователи изначально столкнулись с парадоксальной ситуацией – проблемой иконографического свойства, выражающейся в известной словесной комбинации: «изображения фигур лежат в таштыкском слое», и их отношение к периоду средневековья сомнительно. Но наш феномен «не находит» аналогов и объяснений в моделях сибирского прошлого и чужд идеологической традиции элементов военно-оборонительной структуры раннего средневековья. Между демонстративной формой героя-воина в изобразительных вариантах таштыкского стиля и состоянием «внешности» покойно-созерцательных фигур в мантиях кроется противоречие. При обследовании глухих участков июских степей и каменистых логов засвидетельствованы новые гравировки с изображением «фигур» удовлетворительной сохранности (материалы. – *Н.Р.*). Этот материал из новых находок (в частности, четыре многофигурные сцены шествующих духовников в мантиях и три одиночные) в столь узком сообщении предлагается в виде фрагментов.

В заголовке этого сообщения («муже-девы») заложена формально-словесная интрига, она и может быть поводом к осмыслению данного вопроса. Следует признать, что специфический язык чужеродной традиции по внешним признакам костюма, таким как длиннополые одеяния, детали убора и другие атрибуты, изначально был отнесен первооткрывателем к традиции жречества, т.е. они – священнослужители, жрецы-духовники, адепты каких-то пришлых религиозных сообществ. В этом положении не может быть сомнений. В шаманистской практике Южной Сибири «муже-девы» просматриваются по скудным материалам историографии (Штенберг Л.Я., 1936; Потанин Г.Н., 1882, с. 311; Абрамзон С.М., 1971, с. 79). Однако фрагментарные сведения о переодевании шамана в деву в каком-либо бытовании традиционных свидетельств Сибири не могут быть продвинуты выше объяснения психофизиологического начала в человеке (мужского и женского) и «ритуальной двуполости шамана», исходя из нижнего – женского, верхнего – мужского,

как бы утверждающего его «космизм», завязанность на все миры Вселенной (Косарев М.Ф., 2003, с. 231). Эти суждения не могут дать определенной ясности. Наиболее ярко данное явление проявлено в наследии культур Передней Азии, а именно – в гностицизме.

В концепции апокастасиса, одной из универсальных категорий гностического мышления, в частности, у сефиан (Сидоров А.И., 1987, с. 47–52), в системе понятий и символов антропологизации и метафизики космического бытия личность человеческая теряет свою неповторимость и индивидуальность. Исторические личности (Каин, Сеф, Иисус), возведенные в ранг мифических существей ценой потери индивидуальности становятся паратетами, партнерами и соперниками космических сил и важным фактором в истории мироздания. Упразднение мужского и женского начала в человеческом роде, его недостаточности, выраженное в неполноте, есть возврат к самодостаточности горнего бытия, а человека – к «чистому семени» (Дух беспримесный), т.е. к Сефу, сыну Адама. В текстах «Наг-Хаммади» сказано: «...когда вы сделаете двоих одним... и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной... тогда вы войдете в царствие» (Трофимова М.К., 1979, с. 35). Там же в отношении к мирскому: «...ибо муже-женщины мечутся без женщин и женщины без мужчин». Это устройство праведности, избрание семени и рода, вопреки смешанному с тьмой и переполненному злом «миру непорядочности», разделенности, знаменует приход спасителя, Христа, «дабы снова исправить разделение». В гностической религиозности символ высокого полномочия – Слова-Логос, извещенный земным Иисусом первородному Адаму, как вариант, выражается в индоиранской формуле «что было, что есть и что будет» (Виденгрэн Г., 2001, с. 95–96) и определяет ритуальную драму, которая «тысячелетиями разыгрывалась в Месопотамии». Это «знание» появляется и в зороастрийском катехизисе. Ключевая позиция презрения мира материального и стремление к миру надтварному строится в понимании того, что душа имеет небесное происхождение. Гностический способ спасения души в мифологических событиях «окружения и времени» определил диалектику познания, где реликтовая оппозиция двух космических сил – света и тьмы (бог и материя), находящаяся в непрерывной битве, заложена в основе индо-иранских религий. В тождестве Небесного Христа и земного Иисуса Сеф в сообщениях Епифания (Сидоров А.И., 1987, с. 48) по духовному родству в качестве духовной силы востребовал оболочку «самого Иисуса Христа». Но и горняя Мать вложила в Сефа свою силу. Подобная форма тождества, и в каких-то деталях и различия, характерна для манихейства, где «посланцы Света», периодически являющиеся в мир (Будда, Зороастр, Христос, сам Мани), были все как бы единой сверхличностью, не переставая тем не менее быть индивидуальностями. В бесконечном ряду гностических импровизаций, в тесном соприкосновении метафизической и космической сфер и сферы человеческой истории путь «избранных и знающих, в которых нет ни ущерба, ни уменьшения» (псалмы Фомы – Виденгрэн Г., 2001, с. 140), преодолевая отчужденную раздвоенность, возможен в оболочке «полноты».

Можем признать, что изначальная андрогинная традиция «небесного человека» может иметь место в гипотетической андрогинной интерпретации в отношении

наших муже-дев – посланников Света, костюмированных в наряд «полноты». Критический скептицизм и затянувшаяся полемика в материалах историографии XX в. в осмыслении явления «загадочных фигур» всё же не могут быть нейтрализованы этим заявлением. Однако мы не можем оставить без внимания положение, высказанное О. Менхен-Хельфеном, и примем за основу предложенное им решение: они – манихеи. В манихейской догматике роль Высшего Существа несет двуполоый Бог Зерван (андрогин), породивший Армазда – светлую сущность и Ахримана – темную сущность и, соответственно, изначальные свойства: Свет – абсолютное знание, Тьма – заблуждение, безумие материи (Литвинский Б.А., 1975, с. 254; Мухитдинов Х.Ю., 1973, с. 106). Первая же пара людей – Адам и Ева, как и их потомки, стали полем битвы благих и темных сил. Как следует понимать, мифологема «начала пути Познания», когда Адам был просвещен Иисусом-Сияние (особо подчеркиваем! – *Н.Р.*), воплощенным в Еву, и вкусил плод с древа познания, что трактуется как благо у гностиков и манихеев, предопределила манихейскую полемику «вопросов и ответов» и дальнейший путь к спасению светлой души и, как творческий акт – спасения Мировой души, повлияла на миссионерскую стратегию, ярко выраженную в Восточной манихейской церкви. Следует добавить, свидетельства «обретения прошлого» получили и соответствующую реликтовую форму и символическую наглядность, далеко превысив простую маскировку. Синтетическая версия манихейского учения, по обстоятельствам характера региона и времени, «востребовала» приспособление богословского языка, специфические нормы поведения, ритуальные методы и вещную «оболочку» праведника-миссионера. Вещный наряд на пути спасения как «образ-форма» постижения Бога можно представить в конкретных примерах: «В теперешнем существовании, будучи молодыми людьми в длинной женской одежде, о сколько мы ошибались и прегрешали» («Хуастуанифт», 5–51; Малов С.Е., 1951); «Манихеи... блистающие воинства называются девушками... в стране радости нет мужчин и женщин и нет половых органов. Все они обладают вечно живыми телами... они не различаются в отношении слабости и силы, длины и краткости, образа и внешности; они подобны одинаковым светильникам» (Ал-Бируни, 1963, с. 79). Обратимся непосредственно к памятникам иконографии (рис. 1), намеренно используя материалы, объявленные выше как новооткрытые. Мы видим персонажи по внешним доминирующим признакам, в целом тождественные, отвечающие специфическим нормам одной традиции: на головах короны в виде перевернутых конусов, из-под основания которых – откиннутые назад «косыпальмы»; диадемы в области лба и на короне – круг в круге или круг с точкой внутри; длиннополые мантии, оканчивающиеся волочащимися шлейфами, и возложенные на груди руки (рис. 1.-в), ладонями внутрь, и т.д. Диадема в виде двойного круга или круга с точкой внутри в синкретической версии понятий и символов манихейского учения имеет корни в древности (Рыбаков Н.И., 2006, с. 121–127). Как универсальная архетипическая модель в форме Слово-Логос (точка в круге) выражается дополнительно в череде определений: назарейское духовное семя Явар-Зива (Дровер Е.С., 2002, с. 265); глаз Ахура-Мазды (Литвинский Б.А., 1972, с. 152); муже-женское начало (Новгородова Э.А., 1984, с. 51); семя Гайомарда (Бундахишн 50 г); древневосточное Инь и Янь (Палладий Арх., 1887, с. 130); вершина горы

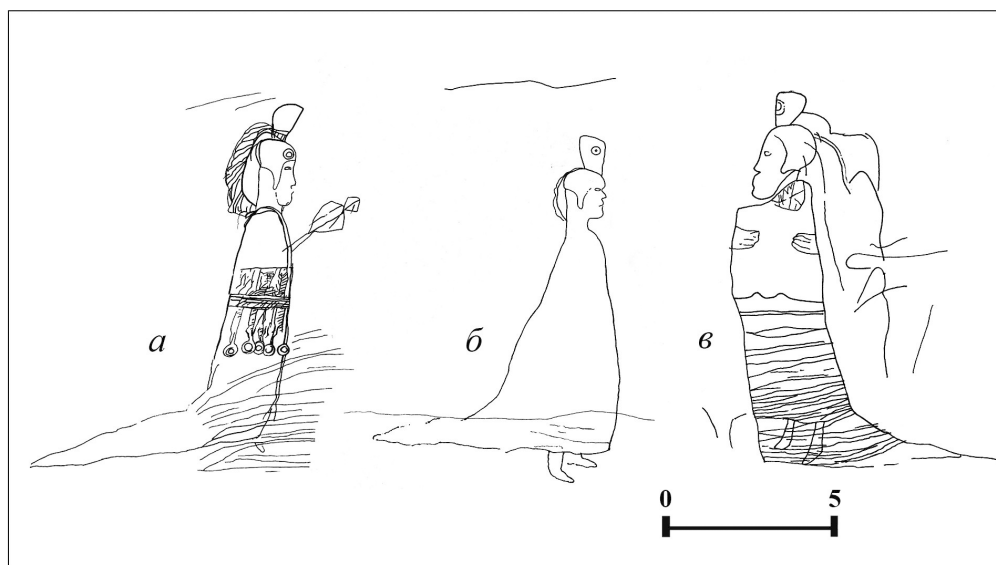

Рис. 1. Фигуры в мантиях. Междуречье Июсов (полевые материалы автора):
 а – носитель ваджры (гора Барстаг. Белый Июс); б – одиночная фигура
 (Барбаковы горы. Подкамень); в – персонаж в наряде праведника
 (Барбаковы горы. Подкамень)

Меру (Tucci G., 1963, p. 140); первая корона – «Я есть» (Еврейская энци., 1991, т. 15, с. 875); благо Зурвана (Зороастрийские тексты, 1997; Моносиллаба ОМ (Генон Р., 2004, с. 264); десятиричная Единица (Генон Р., 2004, с. 153) и т.д. Этот множественный абстрактный феномен небесной субстанции неоднократно упоминается в псалмах и гимнах, манихейско-тюркских текстах: он – «Око Зурвана Мани-Будды», «диадема владычества» и к нашему материалу, соответственно – Слово-Логос Иисуса, изъявленное Адаму. Все персонажи несут руки под мантией – они скрыты. У праведника (рис. 1.-в) руки показаны, и мы можем судить, как они возложены на груди – ладонями внутрь, что согласуется с двумя из трех заповедей в манихейской дисциплинарной практике: «печать рук» и «печать груди», суть которых – в запрете на разрушение мира тварного и запрете на вожделение (чистота девственности). В отношении корон в коптской манихейской книге «Псалмы Фомы» сказано: «Ладья получила ветвь пальмовую» и «...он укрепил ладью, украсил ее и вознес в дар Великому» (Смагина Е., 1992, с. 118). Ладья (корона), украшенная ветвью пальмовой, относится к кругу символов-аллегорий мандее-назарейской религиозности (Дровер Е.С., 2002, с. 262). Среди алтарных атрибутов в иконографических турфанских материалах (Le Cog, 1923, p. 58) тиара Апостола Мани представлена как сакрализованный атрибут, обозначенный диадемой «Око Бога»; тиара пророка являлась предметом поклонения в манихейской богослужебной практике. Получение «венца, одеяния и диадемы славы», «ношение мантии и венцов» – акт формализованной манифестации; он отмечен в западной и восточной манихейской литературе (Кефалайя, 1998, с. 41-25). Между тем в богословской символике средневековой религиозности

манихейства «диадема владычества» – «Откровение бога» по внешним признакам иконографии несовместима с несторианским крестом. Несториане по известным причинам не могли возложить на лбы языческий знак «Око Бога», они несли четырехконечный крест – символ обретения христианского «древа крестного» (Мещерская Е.Н., 1984, с. 35; Пигулевская Н.В., 1956, с. 104–105; Джумагулов Ч.Д., 1987, с. 38–39).

Эти доказательства не могут дать окончательного ответа на вопрос «кто они, муже-девы в мантиях», если не будет отторгнуто устоявшееся скептическое обстоятельство – тупиковая иконографическая ситуация: «фигуры лежат в таштыкском слое». В сезон 2004 г. Ю.Г. Белокобыльский в личной беседе по этому вопросу заметил, что «фигуры» неоднократно обводились. Повторный внимательный осмотр памятников и дополнительная съемка с использованием GSM позволили выявить и понять наконец причину парадокса, суть которого проста: изображения обводились несколько раз и при этом обводке были подвергнуты разновременные слои – «таштыкский» и «средневековый», и таким образом объединены в один хронологический пласт. К яркому примеру иконографического «коварства» палимпсеста относится Ошкольская писаница, где сгруппированные и одиночные изображения таштыкских воинов, лучников, быков, лошадей объединились и перемешались с фигурами в мантиях. Это «коварство» как факт явилось причиной общего заблуждения в последующих исследованиях XX в., но следует признать: петроглифическая ситуация «смещения» не была распознана изначально первооткрывателем И.-Р. Аспелиным, что отражено в известной публикации (Appelgren-Kivalo, 1931), касающейся памятников «Подкамень-Ошколь». В корпус материалов попали только выделенные обводкой петроглифы, имеющие убедительную изобразительную структуру, тогда как другие гравировки, однозначно относящиеся к тому же кругу загадочных фигур, были либо незамечены, либо опущены. Казалось бы, суть в простом, но побудительные мотивы многократных обводок не так просты и требуют отдельного исследования. В данном материале приведены памятники, представляющие одноактовый тип рукотворной иконографии, нетронутой вторичными наложениями.

Итак, феномен, покрытый тайной происхождения, в памятниках Енисея – «Муже-девы в мантиях» проясняется и приобретает суть некоего подвижного элемента гностической религиозной структуры в системе взаимосвязей культур эпохи средневековья. Космогония Поздней Античности выявила арену исконного сражения за человеческую судьбу в пределах миров света и тьмы и потребовала в пространстве человеческой земной неполноты активного участия посланников мира Света. Двойное наследие человеческого тела, тела Адама и Евы (рабство света и тьмы) в облике посланцев муже-дев, в предназначении которых был заложен потенциал для каждого индивидуума, должно было пробудить божественную идентичность человеческого существа (Beduhn J.D., 2000, p. 97). Привлекательная форма космогонического мифа спасения, унаследованная манихейской проповедью, нашла сторонников в среде государства древних кыргызов Енисея. Муже-девы в мантиях – манихеи. Но мы пока не знаем, какая секта прошла на Енисей и к какой манихейской консорции она принадлежала.